

Детский дом на Ботике

Довелось мне поговорить с интересным человеком, Марией Ивановной Аверьяновой, в девичестве Горбунóвой. Родилась в Переславле в 1925 году. Их семья жила на Подгорной улице. Родители были неграмотные, набожные. Отец под угрозой раскулачивания вступил в колхоз: отнёс в сельсовет сбрую, свёл любимицу кобылу Зойку — вот и стал колхозником. Жили бедно, в семье детей девять ртов, четверо умерли.

Училась Маруся в разных школах: у музея, на Подданиловке, на Полевой. После окончания семилетки поехали из города в Успенку двенадцать человек учиться на зоотехников, и она с ними. Голодных учащихся заставляли работать на учебных полях, и они воровали капусту, набивая желудок. К концу первого года обучения многие разбежались.

В то время в семье у Маши случилось большое горе: пала кормилица-корова. Дома ей сказали: «Бросай свою учёбу, поступай в ФЗО на «Красное эхо!» Пришлось вернуться в город. Окончила ФЗО, тут и война началась.

Рассказывает Мария Ивановна:

— Хотели меня тогда отправить на трудовой фронт. А тут подруга, Настя Кутёйникова, кладовщица, посоветовала пойти работать в детдом на Ботике. Мне тогда ещё 18-ти не было.

На Ботике в начале сороковых размещались два детдома: № 96 и № 97. Один располагался в деревянных домах, другой — в каменном здании музея. Переславских там работало мало, большинство воспитательниц были ленинградки-блокадницы. И воспитанниками были дети-сироты, вывезенные из блокадного Ленинграда.

— Приняли меня на работу воспитательницей на младшую группу, с испытательным сроком — не было педагогического образования. Так я стала сотрудницей детдома № 96. Директором была ленинградка Анастасия Ефимовна Андриáнова. Тут же жили её мать и сын Дима. Директриса была тучная симпатичная дама. За детей она стояла горой, сама смотрела, чтобы дети съедали всё в столовой. Хлопотала над ними, как наседка.

Среди воспитанников запомнились мне Боря Рёвич, Галя Томашёвич, Роза-Мари Тереза — дочка испанских эмигрантов, живших в Ленинграде. Это её упоминает Пришвин в своих рассказах «Стрекоза» и «Лесной гриб», о воспитательнице Маше Горбунóвой и её младшей группе. Терезу все ласкали. Как сейчас вижу её в голубом платье, кормящую цыпляток (в детском доме держали кур).

Галя Томашёвич матери не помнила. Та погибла от голода, и, рассказывали, голодная грудная девочка три дня сосала грудь уже мёртвой мамы. Потом она постоянно сосала свой указательный пальчик — это был уже рефлекс. И как мы её ни отучали, как ни завязывали уже деформированный палец тряпочкой, она закрывалась одеялом и тайком совала его в рот.

Девочку Терезу мы всячески оберегали. Это была маленькая толстушка, коротышка, хохотушка. Одного мальчика звали «Чйчкин» — на его кружке была такая надпись.

Писатель Пришвин часто приезжал к нам в детский дом, особенно летом. Интересовался жизнью детского дома, разговаривал с воспитателями, администрацией, детьми. А дети

*Кручинин, И. А. Детский дом на Ботике / И. А. Кручинин // Переславская неделя. — 2003. — 16 апреля; 23 апреля. — С. 8; 8.

*Набор с рукописи, в газете статья изуродована.

у нас были маленькие, и сейчас-то я уже своих воспитанников не узнаю, им всем за шестьдесят. Любил Михаил Михайлович спать в сарае, на свежем воздухе. Там стояла лошадь и всегда было много сена, от которого шёл пьянящий запах.

Я тогда особенно не обращала на Пришвина внимания. Его мы в то время не принимали за важную персону: ну, приехал и приехал. Ходил писатель в кирзовых сапогах, всегда при нём была сумка из мешковины. Выглядел он в то время не старым, такой небольшой, толстенький, коренастенький. Приезжал с ночёвкой. Кормили мы его и спутников нашими обедами. Еду ему приносила на подносе Валя Петро́ва, поднимаясь на второй этаж. Приезжал Пришвин постоянно в наш детдом, а в 97-й, по-моему, не заходил. Очень любил детей, ласкал их, привозил подарки.

Дети звали нас тётями: тётя Маруся, тётя Валя. Маленькие иногда называли мамами. Вспоминается мальчик Володя О́сипов. Он заболел менингитом, и ночная няня спасла его, не отлучалась ни днём, ни ночью.

Хорошо помню двух сестёр — Элю и Раю Сорóкиных. Их подобрали на улице военного Ленинграда, фамилию придумали по названию птицы. Многие писали нам письма, где спрашивались: нет ли у нас таких-то детей. Так нашёлся отец этих девчушек. Звали его Лев Ма́слов. Он забрал девочек из детдома в 1947 году.

Приезжали к нам шефы из Подлипок — рабочие военного завода № 88. Были два раза работники ЦК ВКП(б), муж и жена Ба́хмуровы. Частым гостем был И. Лёсман — директор ближайшего колхоза, он сам был родом из Ленинграда. Приезжал не с пустыми руками — привозил гречневую крупу, тогда сеяли гречу в его хозяйстве. Заходила к нам и Нина Михайловна Па́влова — председатель сельсовета. Спрашивала, какая нужна помощь детям.

Ежегодно сотрудники заготавливали дрова для отопления помещений детдома. Под Соломидиным нам специально отводилась делянка. А мы, женщины, и пилу-то держать не умели, но любой ценой должны были выполнять план лесозаготовок.

Детдом всю войну был на военном положении. Отлучаться в город было нельзя. Время было суровое, в Переславле в начале войны объявлялись воздушные тревоги.

Мой дом в Подгорной слободе превратился в эти годы в перевалочный пункт. В нём останавливались все, кто шёл на Ботик или с Ботика. Бывало, и ночевали. Особенно опасались ходить под вечер с полученной зарплатой.

Несколько слов об учителях и воспитателях:

— Аделина Викторовна Ка́рлсон, методист. Большую помощь оказывала мне на первых порах, учила азам педагогики. Ольга Козло́вцева работала в детдоме парикмахером. Учительница музыки Гертруда Сидоровна (фамилию не припомню) замечательно играла на фортепиано, но дисциплина на уроках у неё была неважная. Валентина Николаевна Никóльская — воспитательница. Лица у них были морщинистые и осунувшиеся от голода, а ведь было им около тридцати лет. Уборщицей, помню, работала финка.

Анастасия Ефимовна Андри́нова, директор детского дома, вернулась в Ленинград в 1945 году. Нельзя забыть и её маму, полную пожилую женщину. Она негласно наблюдала за работой сотрудниц, заставляла чаще проводить с детьми подвижные игры, была доброй мамой и бабушкой для всех. Разучивала с ребятами стихотворения.

Марусе Горбуно́вой, по мужу Аверья́новой, пришлось покинуть детдом на Ботике в 1947 году: на нервной почве случился паралич языка. После войны детдом № 96 прекратил своё существование. Сейчас в Красноармейском переулке находится детский дом, преемник детдома военных лет на Ботике.